

Artykuły, Rozprawy

Статьи, Доклады

Виктор П. Макаренко

РГУ Ростов н/Дону

Распад империй: войны в системе «центр-периферия». Часть II

Rozpad imperium: wojny w systemie «centrum-obrzeże». Część II

При распаде СССР центр занимался дележом союзного имущества и не интересовался событиями на окраинах. В первой половине 1994 г. еще была надежда на мирное разрешение кризиса. В январе Ельцин заявил, что основа урегулирования отношений – проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры о разграничении полномочий с центром. Государственная Дума 25 марта 1994 г. приняла постановление, в котором указывалось предварительное условие начала переговоров – проведение в Чечне выборов в республиканские органы власти и российский парламент под международным контролем. 14 апреля 1994 г. Ельцин поручил правительству провести консультации с Грозным и на их основе подготовить договор между Россией и Чечней.

Но в июне Временному Совету Чеченской Республики (центр считал его законной властью, контролирующей значительную часть территории Чечни и способной стабилизировать ситуацию) было выделено 150 млн. руб. (с. 28). Итак, центр финансировал борьбу с режимом Дудаева, подразумевая под *оппозицией* марионеточное правительство и собственные силовые структуры. 26 ноября они штурмовали Грозный. Танки дошли до центра города и расстреляны из гранатометов. Выяснилось, что все танкисты – российские военнослужащие или служащие спецслужб. 27 ноября в Грозном телекорреспондентам показали пленных. Они признались в принадлежности

к российской армии и в том, что наняты по контракту Федеральной Службой Контрразведки. 2 декабря газета «Известия» опубликовала статью, в которой приведены соответствующие документы. Теперь контрразведка признала причастность к операции. Минобороны России направило в Государственную Думу письмо, в котором отрицался факт принадлежности указанных людей к российской армии. Значит, военные вначале признали незаконность российских военных формирований, боровшихся с чеченскими незаконными военными формированиями.

Крах спецоперации и поражение антидудаевской оппозиции в виде российских спецслужб поставили президента и правительство России перед выбором: взять на себя ответственность за случившееся и вернуться к политическому решению конфликта. Но центр не захотел признать провал *маленького блицкрига* и стал на путь эскалации конфликта, включая прямое участие в нем армии и внутренних войск. Деятельность российских спецслужб в Чечне началась провалом и закончилась перерастанием спецоперации в открытую войну.

События 1994 г. 1 декабря *неопознанные* самолеты и вертолеты начали бомбить Грозный. Штабы Военно-Воздушных Сил и Противовоздушной Обороны России отказались подтвердить факты налетов. 9 декабря правительство России постановило возложить на ряд министерств и ведомств обязанности по введению и поддержанию на территории Чечни особого режима без объявления чрезвычайного положения.

В результате обстрелов российскими войсками населенных пунктов появились жертвы мирных жителей. 12 декабря у с.Новый Шарой жители блокировали дорогу. Продвижение войск привело бы к стрельбе по невооруженным людям, а затем к столкновению с организованным в каждом селе народным ополчением. Солдаты и офицеры к этому не были готовы. 15 декабря Грачев отстранил от управления войсками группу старших офицеров, которые отказались воевать с народом. Они выдвинули законное требование: дать письменный приказ Президента как Верховного Главнокомандующего «...перед началом крупной войсковой операции, способной повлечь за собой большие жертвы среди мирного населения». Такого приказа не было. Взамен руководство операцией возлагалось на командующего Северо-Кавказским Военным Округом генерал-полковника А. Н. Митюхина. Итак, Президент переложил собственную ответственность на территориальное звено управления армией.

16 декабря Совет Федерации России предложил президенту прекратить боевые действия и вступить в переговоры. Но президент игнорировал это постановление. С 18 декабря по Грозному наносились ракетно-бомбовые удары. Бомбы и ракеты падали на жилые дома и места, где не было военных объектов. Появились большие жертвы мирного населения. 27 декабря

президент заявил о прекращении бомбардировок, на деле авиация продолжала бомбить Грозный. Итак, президент обманывал население страны и мировое сообщество.

19 декабря по плану вся чеченская операция должна была завершиться. В этот день А. Н. Митюхин отстранен от руководства как не справившийся. Руководство группой войск возлагалось на Э. А. Воробьева – заместителя командующего Сухопутными войсками России. Он отказался из-за неподготовленности операции и отправлен в отставку.

23 декабря министр иностранных дел России А. В. Козырев в телефонном разговоре просил находившегося в Грозном Уполномоченного по правам человека России С. А. Ковалева выяснить у Дудаева, на каких основаниях он готов к переговорам с Москвой. Ковалев связался с Дудаевым, который сообщил о готовности к немедленному двустороннему прекращению боевых действий и началу переговоров по всем спорным вопросам, включая разоружение своих формирований. Вечером того же дня Ковалев сообщил об этом Козыреву, который обещал доложить о готовности Грозного к переговорам на заседании Совета Безопасности России. Однако никакой реакции центра не последовало. Значит, российская дипломатия была продолжением агрессивной политики центра.

17 декабря указом президента России под руководством Н. Д. Егорова создавалось Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти в Чечне, которое исполняло функции гражданской администрации и контролировало марионеточное Правительство Национального Возрождения. 31 декабря начался штурм Грозного частями российской армии. Войска понесли большие потери из-за того, что планирование операции, управление войсками, комплектование и подготовка частей осуществлялись по традиции достижения результата любой ценой и пренебрежения человеческими жизнями¹.

События 1995 г. 2 января пресс-служба российского правительства сообщила, что центр чеченской столицы полностью контролируется федеральными войсками, а президентский дворец блокирован. Вернувшиеся из Грозного депутаты Государственной Думы (Л. А. Пономарев, Г. П. Якунин, В. Л. Шейнис) заявили о поражении российских войск. После этого руководитель пресс-службы президента признал потери армии в живой силе и технике. Но ложная информация об овладении Грозным использовалась для пропаганды и принятия решений. 6 января Совет Безопасности России передал функции по *налаживанию правопорядка* силам Министерства Внутренних Дел. 3 января авиация нанесла удар по рынку и больнице в Шали шариковыми

¹ 131 (Майкопская) отдельная мотострелковая бригада и 81 мотострелковый полк были полностью разгромлены, более 100 солдат попало в плен.

кассетными бомбами. 55 чел. погибли, 186 ранены. 9 января федералы обстреляли 2-ю детскую больницу в Грозном.

9 января Ковалев предложил Черномырдину объявить перемирие для уборки трупов, эвакуации мирных жителей, обмена ранеными и пленными. Черномырдин согласился и просил Ковалева связаться с командованием сторон. Чеченская сторона поддержала перемирие. Ковалев пытался связаться с Моздоком, где располагался штаб Объединенной группировки федеральных сил. Генералы А. В. Квашин и Л. В. Шевцов *исчезли* со связи. 16 января Черномырдин в телевыступлении впервые публично предложил начать переговоры о прекращении огня. 17 января он встретился с Т. Абубакаровым и У. Имаевым (министры экономики и юстиции в правительстве Дудаева). Достигнута договоренность о поэтапном прекращении огня. Но 18 января Ельцин в телевыступлении заявил: «Мы не будем говорить с Дудаевым». Вечером этого дня Абубакаров и Имаев приехали в Назрань. Представители российского командования на встречу не явились. 19 января Черномырдин заявил в телеинтервью: «С бандитами мы не разговариваем». 27 января Н. Д. Егоров освобожден *по состоянию здоровья*. Руководителем Территориального управления в ранге зам.председателя правительства России назначался Н. М. Семенов – бывший секретарь Чечено-Ингушского республиканского комитета КПСС. 27 января в зону конфликта вылетела делегация ОБСЕ для инспекции фильтрационного пункта в Моздоке. Ковалева на борт самолета не допустили. 8 февраля члены группы Ковалева обнародовали число погибших мирных жителей Грозного – около 25 тыс. человек. Итак, правительство России проталкивало на официальные посты бывших коммунистических функционеров, а руководители силовых структур игнорировали руководителей правозащитных органов России.

1 февраля командующим группировкой назначен Куликов – командующий Внутренними Войсками МВД России. Квашин переведен на должность командующего Северо-Кавказского Военного Округа. 18 февраля обе стороны нарушили срок и условия перемирия. Федералы возобновили ракетно-артиллерийский обстрел чеченских позиций на линии Шали-Аргун-Гудермес, чеченские боевики напали на федеральные войска в южной части Грозного. Одновременно автоколонна с чеченской делегацией следовала к месту переговоров в станицу Слепцовскую. На посту МВД России у села Самашки им было заявлено, что приказ о пропуске делегации не поступал. Попытки связаться с командованием федералов закончились безуспешно.

1 марта подписано соглашение между В. В. Курочкиным (депутат Совета Федерации России) и Дудаевым: решение вопроса о статусе Чечни откладывалось, предполагалось начать переговоры представителей командования обеих сторон 3–4 марта, а 5 марта объявить перемирие и прекращение огня. Однако центр не поддержал соглашение. 3 марта

представители командования вооруженных сил Чечни не были допущены в Слепцовскую. 6 марта внутренние войска России заняли Черноречье – южный район Грозного. Только через три месяца после начала боевых действий Грозный перешел под контроль федералов.

14 марта в Москве под совместным председательством зам.председателя Совета Федерации России Р. Г. Абдулатипова и С. А. Ковалева состоялась конференция «Мирная инициатива на Кавказе». В ней участвовали ведущие российские политики, представители регионов России и разных чеченских группировок, общественные и религиозные деятели. Принят компромиссный «План о прекращении огня и дальнейшего мирного урегулирования чеченского кризиса», осуществление которого возлагалось на группу посредников. Однако Ельцин и Черномырдин не участвовали в конференции, а вице-премьер Шахрай заявил: у правительства есть собственный план, который вскоре будет обнародован. Тем самым дезаурировался смысл конференции.

3 апреля президент издал указ «О временных объединенных силах в ЧР», которым был придан формальный статус. 7–8 апреля Отряд Милиции Особого Назначения и Внутренние Войска России провели операцию по *зачистке* села Самашки с массовыми убийствами мирных жителей, грабежами и поджогами жилых домов. 9 мая Ш. Басаев заявил о необходимости диверсионно-подрывной деятельности, мотивируя ее тем, что только такая тактика вынудит российский центр сесть за стол переговоров. 19 мая Ельцин отклонил принятый 12 апреля Государственной Думой России закон «О мерах по урегулированию чеченского кризиса» как «противоречащий Конституции РФ, ее международным обязательствам и могущий стать дополнительным дестабилизирующим фактором». Президент исключил парламент из числа политически значимых факторов.

24–26 мая федералы провели наступление на Веденском и Шатойском направлениях. Усилились артобстрелы, бомбо-штурмовые удары по горным селам, что привело к жертвам мирного населения. 27 мая командующий юго-западным фронтом Вооруженных Сил Чечни заявил: если к исходу дня авиация федеральных сил не прекратит бомбардировки, будут казнены 5 российских солдат. Масхадов это заявление опроверг, но в этот день расстреляны два пленных российских офицера.

2 июня гуманитарная организация «Врачи без границ» получила от Куликова предписание покинуть южные районы Чечни. По его словам, «никакая благотворительная организация не имеет права появиться на территории юга Чечни в течение двух последующих месяцев». 4 июня Ельцин подписал указ о формировании постоянно дислоцирующейся на территории Чечни 58 общевойсковой армии. Таким образом, на армию возлагались полицейские функции, а центр не рассчитывал на скорое окончание

конфликта. 14 июня отряд Басаева захватил в Буденновске 1500 заложников и закрепился в больнице. Во время операции имелись жертвы мирного населения. Иначе говоря, чеченские боевики наследовали пример российских внутренних войск.

30 июня Ельцин отправил в отставку министра по делам национальностей и региональной политики Егорова, министра Внутренних Дел В. Ф. Ерина, директора Федеральной Службы Контрразведки С. В. Степашина и главу администрации Ставропольского края Е. С. Кузнецова. 5 июля Куликов назначен министром Внутренних Дел, а В. А. Михайлов (бывший заведующий Отделом национальной политики ЦК КПСС, при котором начались события в Горном Карабахе) – министром по делам национальностей и региональной политики России. Таким образом, бывшая номенклатура и руководители силовых ведомств делали карьеру на чеченской войне.

В ночь на 30 июля подписано Соглашение по блоку военных вопросов между командующим Объединенной группировкой федеральных войск А. А. Романовым и начальником Главного штаба Вооруженных сил ЧРИ Масхадовым: обмен военнопленными и другими насильственно удерживаемыми лицами по принципу *всех на всех*; разоружение *незаконных вооруженных формирований*, поэтапный вывод федеральных войск; пресечение террористических актов и диверсий. На следующую ночь Дудаев заявил о нелегитимности соглашения. 31 июля Конституционный Суд России завершил проверку конституционности указов президента и постановлений правительства о вводе федеральных сил в Чечню. Указы признавались соответствующими, а постановления – не соответствующими конституции. 8 из 18 судей Конституционного суда не согласились с таким решением и опубликовали особое мнение. Но оно осталось без последствий. Значит, с юридической точки зрения конституционность деятельности президента была сомнительной.

8 октября российские самолеты бомбардировали село Рошни-Чу (где бывал Дудаев), что привело к разрушению жилых домов и гибели мирных жителей. 24 октября опергруппа комендантского подразделения СКВО совершила налет в Ингушетии на аэропорт в Слепцовой. Боевиков там не оказалось, но в результате стрельбы убит 1 и ранены 2 гражданских лица. 24 октября боевая машина пехоты 506 мотострелкового полка раздавила «Жигули» с пассажирами. Свидетели устроили самосуд и убили 3 солдат. 14–15 октября в Шали прошел съезд общественно-политических сил Чечни, на котором Басаев заявил: выборы в Чечне не состоятся до тех пор, пока на ее территории находятся российские войска; он располагает 4 контейнерами с радиоактивными отходами.

Центр отказался от диалога с Дудаевым, сменил руководство и начал готовить выборы марионеточного правительства. 29 октября указом Ельцина

руководство по обеспечению безопасности, законности прав и свобод граждан, охране общественного порядка, борьбе с преступностью, разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Чечни возлагалось на Куликова. Командующий войсками СКВО Квашнин назначался ответственным за координацию деятельности Вооруженных Сил России и временных объединенных сил на территории Чечни, а В. В. Тихомиров – командующим временными объединенными силами. Замена полицейского генерала Шкирко на армейского предвещала активизацию боевых действий, одновременно нарушая исполнительную вертикаль командования вооруженными силами. 5 ноября марионеточное правительство постановило провести выборы 16 декабря – в день выборов в Государственную Думу России.

Итак, полгода переговоров не дали никаких результатов. Центр использовал перемирие для подготовки выборов и легитимизации марионеточного правительства. Чеченские отряды использовали передышку для подготовки к новым боям. Следовательно, внутренняя политика пристраивалась к интересам силовых структур.

События 1996 г. 31 января Тихомиров впервые назвал переговоры под эгидой ОБСЕ *роковой ошибкой*, чеченцев – *бандитами*, и объявил о проведении *спецопераций*. 7 февраля Ельцин заявил о разработке 7 вариантов окончания войны в Чечне, анализом которых занимается группа по главе с Черномырдиным. Если всерьез относиться к этому заявлению, оно отражает рост бюрократических структур и документов в ходе войны.

15 марта федеральные войска в селе Самашки наступали под прикрытием *живого щита* из жителей села. 19 апреля генералы Тихомиров и В.Шаманов заявили, что военный путь и *спецоперации* – единственные способы разрешения кризиса. В ночь на 22 апреля убит Дудаев. Тихомиров сообщил агентству ИТАР-ТАСС, что федеральные войска не имеют отношения к гибели Дудаева: «Это дело внутри этих бандформирований». Но в Москве 24 апреля представитель МВД заявил прессе, что Дудаев погиб в результате акции возмездия за недавнее уничтожение боевиками воинской автоколонны у села Ярышмарды. 7 мая Тихомиров заявил: «Я планирую в мае месяце показать несколько таких контактных предметных уроков, которые вообще не позволят больше оголтелым любителям демократии, вседозволенности бросать тень на армию». Эти высказывания свидетельствуют о примитивном понимании демократии руководителями силовых структур.

7 апреля министр России по делам национальностей и региональной политики заявил: основа переговоров по урегулированию в Чечне – возобновление работы Специальной наблюдательной комиссии; субъектами переговоров предлагались полевые командиры. 30 апреля первый вице-министр правительства России В.В.Каданников заявил: для разрешения

кризиса надо привлечь полевых командиров и общественно-политические движения (независимо от их взглядов), имеющих влияние на обстановку в республике. В тот же день в СМИ появилось определение сторонников ЧРИ как *вооруженной оппозиции*. Эти высказывания российского руководства свидетельствуют, что оно стремилось манипулировать противником.

Но утром 28 мая (когда делегация Чечни находилась в Москве на спецобъекте «АВС»), Ельцин вместо встречи с нею вылетел в Моздок, затем в Чечню, где поздравил российских военнослужащих с победой в войне. В 17.30 он вернулся в Москву. Президент России опять обманывал общественное мнение. События в Чечне становились *внутренним делом* не России, а Ельцина, которому перед выборами надо было отчитаться о военных успехах и мире одновременно. Видимость мира (*мирный план* Ельцина) сохранялись в Чечне до окончания президентских выборов в России, после чего возобновились боевые действия.

8 июня в Урус-Мартане в результате теракта убит глава районной администрации Ю. Эльмурзаев. Формально он был ставленником марионеточного правительства, но сохранял корректные отношения со сторонниками ЧРИ, сделал район зоной мира и согласия и пользовался авторитетом населения. 9 июня завгаевское правительство заявило о нежелательности пребывания на территории республики Группы содействия ОБСЕ. 14–16 июня в Чечне проведены *выборы* депутатов Народного собрания Чечни и президента России. 17 июня Группа содействия ОБСЕ заявила: порядок выборов не отвечает принципам свободного и справедливого волеизъявления граждан, а сами выборы проводились с массовыми процедурными нарушениями и фальсификациями.

6 июля Михайлов заявил: конфликт вошел в стадию, когда переговоры должны вести представители чеченского сопротивления и правительства Завгаева. 9–10 июля обстреляны села Гехи и Махкеты, что привело к разрушениям и гибели 450 мирных жителей. В ходе боев у села Гехи погибли Д. Махаев (полевой командир ЧРИ) и зам. командующего Северо-Кавказского Военного Округа Внутренних Войск МВД генерал-майор Н. В. Скрипник. 19 июля командующий СКВО Квашнин согласился встретиться с Масхадовым при условии: предметом обсуждения будет ситуация в Чечне и личная судьба Масхадова. 11–12 июля в Москве произошли взрывы в троллейбусах. 33 человека были ранены. Мэр Москвы Ю. Лужков дал указание милиции об *ответных действиях* против всей чеченской диаспоры столицы. Такой способ действия является чисто бюрократическим.

6 августа в Грозном возникла непонятная ситуация. В 5.30 вошли вооруженные формирования ЧРИ, а в 6.30 выведено 1500 военнослужащих внутренних войск, в том числе подчинявшийся Завгаеву полк чеченской

милиции. Ситуация требовала решительных действий. Но военное командование и гражданские чиновники России стремились не омрачать дурными известиями инаугурацию Ельцина. В следующие дни федеральное командование рапортовало о контроле центра города, журналисты опровергали эти сообщения. 9 августа состоялась церемония вступления Ельцина в должность президента. В тот же день Черномырдин поручил министру обороны России И. Н. Родионову (бывшему карателю в Тбилиси, сделавшего карьеру в чеченском конфликте) и Куликову разрешить ситуацию в Грозном. Но положение в городе вышло из-под контроля федералов. 10 августа Ельцин объявил днем траура в связи с событиями в Грозном. А. И. Лебедь назначен полномочным представителем в Чечне. 10–11 августа федералы захватили в заложники около 500 человек из числа персонала, пациентов 9 городской больницы и местных жителей. 17–18 августа опять захвачена группа заложников в 20 чел. мирных жителей. К 21 августа из-за бомбардировок и обстрелов в городе оставалось 50–70 тыс. человек. С 6 по 22 августа в Грозном по неполным данным погибло и ранено около 2 тыс. человек. Потери мирных жителей никто не считал, хотя журналисты называли цифру 2 тыс. 220 тыс. беженцев покинули Грозный.

13 августа министр юстиции России В. А. Ковалев выступил против введения чрезвычайного положения на территории Чечни. 16 августа Лебедь назвал Куликова главным виновником трагедии в Чечне и обвинил его в саботаже мирного урегулирования. В соответствии с бюрократическим принципом ответственность опять возлагалась на отдельное лицо, а не на Президента страны, исполнительную власть и силовые структуры в целом. Российская армия вышла из Чечни в августе 1996 г. не в результате военного поражения, а вследствие сговора властных групп России (с согласия Ельцина) с верхушкой боевиков.

Логика остановленного времени. Журналисты и правозащитники отмечают, что осенью 1991 г. центр впервые был вынужден решать проблему отношений с Грозным и сразу подошел к грани вооруженного конфликта. Победа над внутренней оппозицией в 1993 г. в Грозном и Москве означала господство исполнительной власти над законодательной. Грозненский и московский режимы встали перед выбором – переговоры или конфронтация. В октябре 1994 г. в Чечне установилось неустойчивое равновесие. Центру казалось, что для победы достаточно оказать финансовую, агентурную и вооруженную помощь марионеточному правительству. Она была оказана наемными войсками, которые потерпели поражение.

После этого в военных кругах центра разработан план *маленького блицкрига*, который предполагал подавление режима Дудаева в течение двух-трех недель. План оказался блефом. По мере затягивания войны опросы общественного мнения России показали падение рейтинга исполнительной

власти. На 16 февраля 1995 г. назначалось выступление Ельцина с посланием Федеральному Собранию. Продолжение безрезультатных боевых действий было плохим фоном этой акции. Затем приближалось 50-летие победы СССР во второй мировой войне. Боевые действия в Чечне снизили бы международный престиж России и поставили под вопрос приезд в Москву лидеров ряда стран на праздник победы. Тем самым внутренняя война становилась аналогичной сталинской практике взятия городов в войне с немцами к праздничным датам.

Через полгода после начала войны федеральные силы заняли Грозный, плоскостную Чечню, основные горные районы, рассекали и оттеснили отряды Дудаева к грузинской границе. Казалось, центр близок к победе, поскольку исчезли календарные, внутри- и внешнеполитические причины замедления военных действий. Считается с жертвами центр не собирался. Но послебуденновский мирный процесс не привел к политическому и военному урегулированию. Он позволил лишь в течение полугода избегать крупных боевых действий. Обе стороны затягивали выполнение договоренностей по причине нежелания. Ни режим Дудаева, ни режим Ельцина не признавали законность народного ополчения.

В октябре 1995 г. обстановка в Чечне осложнилась. Российские войска вели систематические артобстрелы и авианалеты на чеченские села, контролируемые администрацией ЧРИ. Чеченские отряды обстреливали российские посты. Мирный процесс сворачивался – сократилась численность Группы содействия ОБСЕ, прекратилась работа Специальной наблюдательной комиссии, тяжело ранен ее сопредседатель Романов.

При переходе от первого ко второму году войны авторы фиксируют отличия данных периодов, повлиявших на характер изложения.

События 1994–1995 гг. – элементы единого процесса: федеральные войска наступают и захватывают территорию Чечни (Грозный, плоскостные и горные районы) при сопротивлении чеченских отрядов: «В действиях тех и других есть общая логика, и *хронологическое* перечисление событий является одновременно *логическим*. Отбирая эпизоды для нашей «Хроники», мы могли руководствоваться этой логикой, полагая, что вне этого процесса значимых событий не было» (с. 63). Журналисты и активисты неправительственных организаций наблюдали за происходящим в соответствии с единством хронологии и логики. Поэтому даже внезапные события не были неожиданными, что обеспечивало эффективность журналистской работы. Журналисты вовремя оказывались на месте, а репортажи складывались в одну картину.

Через полгода после Буденновска война возобновилась. Теперь силы сторон размещались на одной территории, каждая из которых заявляла о своем контроле над ней. Война приобрела повстанческо-партизанский характер.

Место и время операций стороны определяла в соответствии со своими представлениями и планами. В результате хроника потеряла единую логику. Поскольку события определялись инициативой сторон, хроника должна быть многолинейной. Но российские журналисты и правозащитники не могли выполнить эту задачу. Управление федеральными войсками осуществлялось из 4-х штабов (Объединенной группировки, Группировки Вооруженных сил, Группировки внутренних войск, Главного управления оперативных штабов Министерства Внутренних Дел) и не было согласованным. На чеченской стороне самостоятельно воевало 15 фронтов. В этих условиях действие журналистов стало хаотичным, а появление на месте событий – случайным (например, в марте 1996 г. две съемочные группы НТВ не передали ни одного репортажа о штурме Самашек, хотя были рядом). Хаос военных действий увеличивался по мере роста влияния политического процесса в Москве на события в Чечне: «Перед президентскими выборами важно отслеживать логику московского времени, выстраивая в хронологию основные события «остановившегося времени» в Чечне» (с. 64). По мнению авторов, такой подход позволяет разглядеть в следующих 8 месяцах войны контуры мира.

В первые 2–3 месяца войны внимание журналистов и общественности было приковано к информации из Чечни, которая шла первой в программах новостей. Российские журналисты могли работать на чеченской стороне и давать оперативную информацию. Федералы не допускали журналистов, отделяясь официальными сводками, которые не влияли на информацию из зоны конфликта. После перемещения боев из Грозного в сельские районы (февраль 1995 г.) сообщения с театра военных действий исчезли с первых полос газет. Правда, в экстремальных ситуациях журналисты, депутаты Федерального Собрания, представители неправительственных организаций привлекали внимание к событиям (после Самашек) и даже меняли их ход (после Буденновска). Надежда влиять на события с помощью прямых репортажей стимулировала работу журналистов и правозащитников. Отряды Дудаева не ограничивали информационный поток.

Через год все изменилось. Российские СМИ начали пользоваться официальными сообщениями, а федералы осуществляли информационную блокаду *нежелательных* районов. Интерес общества к *бесконечной истории* войны упал. Рухнули надежды журналистов, депутатов и правозащитников изменить течение событий. Чеченцы тоже начали подозрительно относиться к российским журналистам. Поэтому картина второго года войны на основании российских СМИ неадекватна. Поток официальных сообщений заглушил все. В нем потонули немногие репортажи из Грозного, а из горных районов репортажей почти не было.

Май 1996 г. – месяц наиболее показательного *мнимого мира* в Чечне: закулисных переговоров; единственной (за всю войну) встрече глав

правительств и единственного посещения Чечни Ельциным; активизации гуманитарного процесса (мирно разрешена ситуация в Шали, произошло массовое освобождение гражданских заложников). Одновременно федералы не соблюдали мораторий на боевые действия, проводили операции, занимали ранее неприступные базы сопротивления, проводили *зачистку* и *проверку паспортного режима* в населенных пунктах. Продолжалась подготовка выборов (президента России и Народного собрания Чечни) для легитимизации марионеточного режима. Иллюзия мира сохранялась до конца выборов. 7 июля проходил второй тур выборов, на исход которого могло повлиять наличие (отсутствие) информации об успехе (неудаче) *мирного плана* в Чечне. План действовал до завершения выборов, после чего возобновились бои.

В августе предполагалось возобновить переговоры с режимом Дудаева и подписать декларацию о прекращении огня. Но федералы сочли, что после разгрома повстанческих отрядов переговоры надо вести с позиции силы. План вывода федеральных войск предполагал одновременное усиление МВД и ФСБ в Чечне. Такова была *новая тактика*: в каждом районе создавался центр дислокации мобильных отрядов в составе райотдела милиции (100 чел.), оперативно-следственной группы из России (10 чел.), отряда ОМОН (50 чел.), комендатуры, военкомата, суда, прокуратуры и комендантской роты. Руководство их деятельностью возлагалось на Координационный центр МВД. На деле эта тактика усилила господство силовых структур в регионе.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права Россией и Чечней. На основе хроники авторы констатируют: по массовости нарушений прав человека, числу жертв и жестокости события в Чечне беспрецедентны для России со времени прекращения в 1950-х гг. массовых репрессий. Чеченцы правы, сравнивая события 1994–1996 гг. с депортацией 1944–1956 гг. По размаху боев этот внутренний конфликт аналогичен гражданской войне в Советской России в 1918–1921 гг. Чечня составляет примерно одну сотую населения России, в войне погибло несколько десятков тысяч человек. Если потери чеченцев перевести на российские масштабы, Россия потеряла бы несколько миллионов человек. Война в Чечне – воспроизводство и новый этап конфликтов Советской власти с коренным (подавление Кронштадтского и Тамбовского восстаний) и нерусским населением периферии (борьба с повстанцами в Средней Азии в 1920–1930-е гг., антипартизанские действия в Западной Украине и Прибалтике в 1940–1950-х гг., вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане в 1980–1990-е гг.). Но все указанные конфликты проходили в советской России, а затем на территории СССР². Российская республика

² Осетино-ингушский конфликт 1992 г. длился шесть дней, унес несколько сотен жертв и несопоставим с российско-чеченским.

перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Россия подписала ряд международных конвенций, но не объявила чрезвычайное положение в зоне конфликта. Это сделано потому, что при введении чрезвычайного положения надо четко определять перечень ограничений прав граждан, полномочия федеральной власти в зоне чрезвычайного положения. Для продления действия чрезвычайного положения каждый раз надо обращаться в Совет Федерации России для утверждения указов президента. Вместо конституционного способа действий центр пошел по пути бесконтрольности и беззакония (с. 138–139). Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, государственные органы России не имели правовых оснований для ограничения или приостановки осуществления гражданами прав, гарантированных этим пактом.

Этим объясняются главные нарушения прав человека и норм гуманитарного права российской стороной: неизбирательные нападения, чрезмерное применение силы (неприцельные бомбардировки и артобстрелы населенных пунктов и дорог; операции по занятию и штурмы населенных пунктов; неизбирательные нападения, обстрелы и бомбардировки населенных пунктов, находящихся под контролем федеральных сил, а также в период перемирий; использование систем оружия неизбирательного действия, неизбежно ведущее к большим жертвам гражданского населения); преднамеренные нападения на гражданское население; применение принципа коллективной ответственности и наказания; исчезновения людей, казни без суда; незаконное задержание гражданских лиц, жестокое и унижающее достоинство обращение с задержанными и арестованными, пытки и издевательства над задержанными участниками вооруженных формирований ЧРИ (на фильтрационных пунктах, в неофициальных местах содержания задержанных); использование заложников и *живого щита*; ограничение свободы передвижения, препятствование выходу населения из блокированных населенных пунктов, недопущение в блокированные населенные пункты врачей и представителей гуманитарных организаций; грабежи и уничтожение имущества гражданских лиц; уничтожение объектов культуры; нарушение избирательных прав граждан; нарушение права на свободный поиск, получение и распространение информации.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права вооруженными формированиями и властями Чеченской Республики Ичкерия аналогичны, но меньше по масштабу: неизбирательное ведение огня, размещение военных объектов рядом с гражданскими; воспрепятствование выезду мирных жителей из Грозного; теракты за пределами Чечни (захваты заложников, преднамеренные нападения на гражданское население и медицинские

учреждения, бессудные казни, использование *живого щита*); захват в заложники гражданских лиц, находившихся на территории Чечни; условия содержания пленных российских военнослужащих и насильственно удерживаемых гражданских лиц; бессудные казни, вынесение смертных приговоров на основе процедуры упрощенного судопроизводства, исчезновения людей; телесные наказания.

В целом российское командование не предотвратило массовую гибель мирного населения и нападения военнослужащих и сотрудников спецслужб на мирных граждан. Правоохранительные органы России не смогли расследовать и наказать в соответствии с законом военнослужащих и сотрудников других силовых структур. Правоохранительные органы режима Дудаева тоже не расследовали преступлений членов вооруженных формирований против гражданского населения и пленных военнослужащих. Уголовный кодекс режима Дудаева противоречил международным правовым нормам (в сфере основных определений, системы наказаний, несоразмерности и непропорциональности наказаний, нарушения прав и свобод человека). Таким образом, правовые системы России и Чечни во время войны были подчинены интересам центра и силовых структур.

С учетом всего сказанного можно согласиться с общей оценкой В. В. Волкова: современное российское государство сохранило символический фасад государственности, но прекратило существование с точки зрения ключевых внутренних функций – охраны населения, сбора налогов и обеспечения правопорядка; современное российское государство – это частное охранное предприятие с конторой в Кремле; определенные группы (президентская власть, армия и другие силовые структуры) контролируют средства организованного насилия и называют себя российским государством³. Эта оценку можно дополнить теориями, которые позволяют интерпретировать множество фактов, событий, процессов и тенденций распада империй в более широком смысловом контексте.

Предметы рефлексии. Вначале резюмируем основные факты и тенденции. Победа над внутренней оппозицией в Грозном и Москве обеспечила господство бюрократии и силовых структур над парламентом. Центр финансировал борьбу с режимом Дудаева, понимая под *оппозицией*

³ См.: Волков В. В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. 1998, № 4, с. 46–47. Следует напомнить, что уже в рескрипте Павла I на имя генерала Гудовича от 5 января 1797 г. ставилась цель создания федеративного государства из кавказских земель под эгидой российского императора. Но эта цель не реализована царской, советской и нынешней российской властью, включая лидеров кавказских республик. Взамен Российская империя развязала Кавказскую войну, которая продолжалась 60 лет, а имам Шамиль создал теократическое государство. Силовые структуры режимов Ельцина и Дудаева пошли по стопам русских и кавказских тиранов.

марионеточное правительство и собственные вооруженные силы. В самом начале войны российские военные прямо признавали незаконность противоборствующих военных формирований и собственной карательной деятельности. Тогда как деятельность советских/российских спецслужб началась провалом и закончилась перерастанием спецопераций в открытую войну. В начале войны президент переложил собственную ответственность на территориальное звено армейского управления. По мере краха плана блицкрига на армию начали возлагаться полицейские функции. Президент Совет Федерации, вводил в заблуждение население страны и мировое сообщество, исключил парламент из числа политически значимых факторов и подчинил ведение войны собственным избирательным интересам. Ведение этой войны аналогичной сталинской практике взятия городов к праздничным датам. Выборы во время войны проводились с массовыми нарушениями и фальсификациями. Российская дипломатия продолжала агрессивную политику центра. С юридической точки зрения деятельность президента сомнительна, а действия мэра Москвы чисто бюрократические.

Оба режима не признавали законность народного ополчения. Центр создал Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти, которое исполняло функции гражданской администрации и контролировало марионетку. В ходе войны ложная информация использовалась для пропаганды и принятия решений. Центр стремился представить власть бывшим коммунистическим функционерам⁴, одновременно дезавуируя деятельность уполномоченного по правам человека и решения конференций по реализации мира. Оба режима постоянно нарушали сроки и условия перемирия. Бывшая партгосноменклатура и руководители силовых ведомств делали карьеру на чеченской войне. Внутренняя политика пристегивалась к интересам силовых структур, которые осуществляли информационную блокаду и одновременно все более занимали информационное пространство России. Хаос военных действий увеличивался по мере роста влияния политического процесса в центре на события в Чечне.

В ходе войны произошло соединение армии, органов внутренних дел и госбезопасности. Эти структуры извращенно и примитивно понимают демократию. Они не понесли никакой ответственности за массовую жестокость. Завершение войны – следствие сговора властных групп России с верхушкой чеченских боевиков. Этот сговор увеличил влияние силовых структур в регионе, а затем и в стране в целом. Россия перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Данные тенденции можно рассматривать как способ проявления общих закономерностей и особенностей распада империй в условиях постсоветской

⁴ В хронике упоминаются около 100 членов бывшей партгосноменклатуры, имевших прямое или косвенное влияние на события в Чечне.

России. Мы уже приводили мнения ученых, квалифицирующих российско-чеченскую войну как *коммерческую, мафиозную, избирательную* и т.д. Однако М.Ферро разработал концепцию *превращенного сепаратизма*, которая, на мой взгляд, позволяет глубже осмыслить природу этой войны и интерпретировать описанные факты и тенденции⁵.

Преращенный сепаратизм и колониальная война. На основе общей концепции колонизации и применения ее к объяснению политической истории Российской империи и СССР М. Ферро ставит проблему воспроизводства колониализма в современной России. Такой подход совпадает с мнением российских ученых⁶. Деколонизация в СССР началась после того, как Ельцин стал президентом России, провозгласил суверенитет России и роспуск КПСС. Тем самым он дал свободу остальным союзным республикам, которые поступили аналогичным образом. Центр стал инициатором центробежного движения. Такого в истории еще не было. Внутри России эта тенденция привела некоторые автономные республики (Татарстан, Чечено-Ингушетия) к разрыву (Татарстан) и войне (Чечено-Ингушетия) с Москвой.

Но хотя СССР формально распался, после 1993 г. общие свойства СНГ превосходили прежнее единство⁷. Новизна ситуации определяется этническими конфликтами на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии и Прибалтике. Эти конфликты спровоцированы властно-управленческими кликами. Центр счел их настолько опасными, что начал спешно репатриировать Советскую армию в Россию⁸. Как известно, в странах бывшего *советского блока* после второй мировой войны армия подавляла восстания и революции (ГДР, Венгрия, Польша, Чехословакия). Этим частично объясняется тот сплав военных и карательных-полицейских функций армии, который реализован в Чечне. Они вписываются в общее отношение центра и периферии, сложившееся в период распада СССР и влияющее на ситуацию в современной России.

Дело в том, что мусульманские республики обладали собственным властно-управленческим аппаратом до провозглашения независимости⁹.

⁵ См.: Ferro M. Historia kolonizacji. Warszawa, Bellona, 1997.

⁶ См.: Родман Б. Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Под ред. Заславской Т. И. Москва, Аспект-Пресс, 1996.

⁷ Речь идет о следующих явлениях, типичных для всех постсоветских республик (включая Прибалтику): дезорганизация экономики; сохранение политических клик от 30% до 90% в зависимости от расстояния от Москвы (таково принципиальное отличие СНГ от стран Восточной Европы); сохранение властных связей внутри и между бывшими республиками.

⁸ До 1992 г. Москва стремилась замедлить репатриацию армии для сохранения мифа военного присутствия в Центральной Европе.

⁹ При Брежневе узбеки руководили Узбекистаном, азербайджанцы – Азербайджаном и т.д. После армянских погромов в Баку Горбачев выразил удивление невмешательством МВД

Республиканские органы внутренних дел и безопасности раньше других властно-управленческих структур стали национальными, а не советскими. Этим объясняется самостоятельность бывших союзных республик и превращение их силовых структур в носителей национализма. Но независимость мусульманских республик не тождественна сепаратизму. В республиках возник феномен *превращенного сепаратизма*: руководство республик стремилось захватить власть над центральными ведомствами СССР¹⁰. Поэтому в конфликте Горбачев-Ельцин руководство мусульманских республик поддержало первого, а не второго¹¹.

В России *перестройка* была воспринята как движение к свободе. Властно-управленческие клики мусульманских республик сочли ее опасной для традиционных социальных отношений, которые еще более окрепли при Советской власти¹². В период *гласности* Москва приписала мафиозные интересы только Узбекистану, поскольку там производился мак (непищевой продукт). Едва руководители мусульманских республик потребовали строительства мечетей, центр квалифицировал это как *происки Тегерана*. Между тем Москва давно вступила в открытую связь с Русской Православной Церковью. Следовательно, центр подтолкнул возрождение всех видов религиозно-политического исламизма. Модификации ислама укрепляли идентичность мусульманских республик в отношении соседей, но одновременно направлялись против возрождения советского Туркестана и подчинения мусульманских республик Турции, Ирану и Пакистану. Исламская революция предшествовала распаду СССР и затормозила тягу советского ислама к указанным государствам.

Среднеазиатские республики бывшего СССР являются постколониальными, поскольку исход русского населения предшествовал провозглашению независимости. При других обстоятельствах этот процесс можно назвать удачной деколонизацией, если бы эти республики не задержали представителей российских силовых структур и не согласились на

и КГБ республики в эти события. Ему отвечали: «Азербайджанцы не будут стрелять в азербайджанцев для защиты армян».

¹⁰ Например, министр финансов Павлов (участник государственного переворота) был связан с узбекским госаппаратом и мафией. Т. Гдлян обнаружил множество других связей московских чиновников с узбекскими властно-управленческими кликами, но ему не дали довести дело до конца.

¹¹ Горбачев хотел сохранить Союз, Ельцин – инициатор республиканского сепаратизма, провозгласивший суверенитет России и ликвидировавший пользу центра для республик. Поэтому руководство мусульманских республик в массе стояло на стороне заговорщиков в событиях августа 1991 г.

¹² Местные секретари КПСС, председатели советов и прочее начальство происходило из кланов прежних ханов, беков, мулл и т.п.

базирование российской армии. В республиках Кавказа возродились прежние этнические конфликты, которые предшествуют господству России в этом регионе. На Кавказе возникла оригинальная ситуация: грузины стремятся освободиться от русских, отрицая собственную колониальную власть над Аджарией и Абхазией. Поэтому современный Кавказ находится в доколониальной, а не постколониальной ситуации. Россия опять выступает арбитром в пограничных конфликтах и стремится выступать посредников в экономических контактах данных республик с Турцией и странами Европы.

Положение мусульманских и кавказских республиках аналогично положению Сибири¹³. Главная проблема современной России (и других стран СНГ) – отрицательное отношение к централизации власти при принятии решений. Но никакой специфики в этом нет. Таково общее свойство всех национальных движений в колониях. В России возродился старый антагонизм исполнительной и законодательной власти¹⁴. История Российской империи, СССР и Российской Федерации может рассматриваться как аннексия и колонизация низших уровней представительной власти (выразителей непосредственной демократии) высшими уровнями бюрократии (с помощью демократического централизма в СССР и силовых структур в современной России).

За этой дихотомией скрывается реальная проблема: *верхи* и *низы* игнорируют разделение властей. Например, Ельцин начал свою деятельность назначением наместников в области и края, губернаторы которых тоже

¹³ Весной 1992 г. в Красноярске состоялся Сибирский Конгресс, делегаты которого не требовали отделения от России, а отделения от правительства России, подчеркивая одновременно роль Конгресса как средства давления на Москву. Это событие выявило два обстоятельства: на Конгрессе отсутствовали главы исполнительной власти (представители Москвы), что фиксирует конфликт центра с представительными институтами; автономные республики и округа Сибири (Тува, Якутия-Соха, Бурятия, Эвенкия) объясняли отсутствие на Конгрессе нежеланием отождествления их с «сепаратистами» и требовали перехода от национальной к территориальной автономии в рамках России, а не Сибири. Эти факты показывают принципиальное отличие национальной идентичности от этно-сепаратистских тенденций. Если христианские нации выступают за национальную идентичность, в других районах эта тенденция слабее. Например, Татарстан потребовал суверенитета потому, что его руководство (татары и русские) желает *самостоятельно* распоряжаться природными ресурсами. В Сибири аналогичное требование выдвигают одновременно русские, якуты и буряты.

¹⁴ В Российской империи роль органов представительной власти выполняли земства, в СССР – советы. Но ни те, ни другие не добились приоритета над администрацией, несмотря на высокую компетенцию (земство) и реальную репрезентативность (советы). В 1988 г. Горбачев пытался возродить советы и вернуть им права законодательной власти. В 1993–1994 гг. Ельцин ликвидировал советы. Известный российский *демократ* и мэр Санкт-Петербурга А. Собчак не постеснялся сказать, что советы бесполезны, бессильны и только торпедируют решения.

назначаются Москвой. Следует напомнить, что в 1917 г. местные советы состояли из неграмотных людей, которым принадлежала реальная власть. В нынешней России советы состоят из образованных людей, но не имеют никаких законных прав, кроме противостояния исполнительной власти. Тем самым представительные учреждения тоже игнорируют разделение власти. Поскольку они остаются бессильными, центр самостоятельно устанавливает и исполняет законы. Поэтому проблема национальной идентичности России стала подвижным и постоянным элементом проблемы власти.

Итак, конфликт центра и периферии, исполнительной и законодательной власти скрывает множество тенденций воспроизводства колонизации в современной России. Местная власть наиболее сохранилась с советских времен и периода перестройки. Губернаторы и другие областные руководители на 80% состоят из представителей бывшего партаппарата. Номенклатура взяла реванш с помощью представительной власти от имени региональных интересов граждан. Она является носителем превращенного сепаратизма, этноцентризма и антиреформаторских тенденций. Силловые структуры стали носителем национализма, господствующего в центре. Поэтому конфликт центра и периферии в современной России является мнимым. Этим объясняются уступки Ельцина противникам свободного рынка, которые вчера стремились свергнуть Горбачева. Ельцин применял ту же тактику лавирования, но все больше опирался на силловые структуры. Российско-чеченская война закрепила эту тенденцию и превратила ее в постоянно действующий политический фактор современной России.

Означает ли все сказанное, что руководство современной России в своей политике возвращается к точке зрения В. И. Ленина: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны»¹⁵, высказанной им накануне Октябрьского переворота? Поставим этот вопрос перед читателем.

W artykule przedstawiona została sytuacja, w jakiej doszło do wybuchu I wojny rosyjsko-czeczeńskiej (grudzień 1994–sierpień 1996). Autor wskazuje na zbieżność sposobów sprawowania władzy przez B. Jelcyna i D. Dudajewa.

Postsowiecki system opierał się na silnej władzy centralnej i hierarchicznym podejmowaniu decyzji. Ta biurokratyczna struktura, nie uwzględniająca faktycznej sytuacji prowadziła do arbitralnego podejmowania decyzji, a w konsekwencji do wybuchu wojny. W tym kontekście przeanalizowany został rozpad sowieckiego imperium. Ponadto w rozprawie wyszczególniony został wpływ władzy wykonawczej i ustawodawczej na kształtowanie się struktur militarno-represyjnych oraz na formowanie się instytucjonalnych typów terroryzmu.

¹⁵ Лени В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 435.

The paper discusses political preconditions and consequences of the first Russian-Chechen war (December 1994–August 1996). Certain traits common both to Boris Yeltsin's and Dzhokhar Dudaev's regimes have been exposed. The mechanism of the manifestation of the peculiarities of the disintegration of empires in the post-Soviet space has been analyzed. It has been shown that the Russian center establishes the hierarchy for the solution of political problems that embroils the possibility of war. Institutional types of terrorism have been described as well as the influence of the executive and legislative power and the military-repressive structures on this process.